

деленные этапы его развития — как биологического, так и социального. Часть этих обрядов можно отнести к категории возрастных обрядов, посредством которых происходило выделение определенных этапов в жизненном цикле и оформлялся переход из одной возрастной группы в другую⁴⁰. К началу XX в традиционные сроки их исполнения (в три, пять лет) не всегда соблюдались. Обряд тавмасапарсо стал совершаться главным образом, когда ребенку исполнялся год, как бы завершая период младенчества, и, таким образом, обычно совпадал с обрядом дачвенеба.

Обрядность детского цикла имела непосредственную связь с различными сторонами не только семейного, но и общественного быта. Это выражалось в активном участии широкого круга родственников, соседей, односельчан в обрядах, исполнявшихся в семье ребенка (масанахавис мотана, сацуле, тавмасапарсо). В обрядах первых лет жизни ребенка отразились и некоторые особенности социальных отношений хевсур, их патриархально-родового быта (например, наличие целой группы обрядов, выполнявшихся только по отношению к мальчикам).

Большинство рассмотренных обычаев и обрядов находилось в тесной связи с различными, главным образом дохристианскими, религиозными представлениями. Элементы христианской религии в них также присутствовали, но они были менее многочисленны и обычно сочетались с различными языческими верованиями.

---

⁴⁰ Коч И. С. К проблеме возрастного символизма. — Сов. этнография, 1981, № 6, с. 100.

Е. А. Глинский, Д. А. Сергеев, Э. Е. Фрадкин

КИТ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕРИНГОМОРСКИХ ЭСКИМОСОВ

Образ кита в идеологических представлениях эскимосов занимал не меньшее место, чем образ мамонта у человека позднепалеолитического времени на территории Евразии.

И мамонт, и кит в равной мере давали в обилии пищу, строительный и поделочный материал. Добыча как мамонта в палеолите, так и кита в неолите оставила глубокий след в сознании человека. Повсюду на открытых стоянках и в пещерах позднепалеолитического времени обнаружены серии небольших скульптурных изображений мамонта из кости, камня и полихромные фрески.

Изображения кита также широко известны по материалам стоянок, погребений эпохи позднего неолита эскимосов и по петроглифам.

Об идеологических представлениях человека эпохи позднего палеолита, связанных с мамонтом, можно судить только по археологическим данным, поэтому духовную культуру человека того времени мы воссоздаем в известной мере умозрительно. Образ кита и представления, с ним связанные, хронологически относятся к более позднему времени и довольно четко прослеживаются на протяжении нескольких тысяч лет, имея непосредственную этнографическую преемственность с неолита до наших дней. При этом история эскимосов сравнительно хорошо изучена и археологически и этнографически на территории как Чукотки, так и Америки.

До недавнего времени мы имели лишь отдельные археологические, этнографические и фольклорные свидетельства о месте кита в религиозных представлениях эскимосов.

Наиболее полное этнографическое описание обрядов и праздников, связанных с китом, было сделано В. Г. Богоразом¹. Подробное описание обрядов и используемых на празднике кита амулетов даны И. К. Вобловым². Находки, сделанные Р. Я. Журовым³ в 1961 г., дали вещевой этнографический материал, который вместе с амулетами, обнаруженными Д. А. Сергеевым в 1974 г., позволяет создать более полное представление об атрибутах китового праздника. Эти амулеты имеют прямые аналогии с рядом археологических памятников по обоим берегам Берингова пролива, что дает возможность проследить роль кита в идеологических представлениях эскимосов на протяжении последних двух тысяч лет.

В Американской Арктике материалы такой же давности представлены культурами Дорсет и Туле. Так, С. Гиддингс в 1941 г. при раскопках стоянки на р. Кобук на западном побережье Берингова пролива вместе с каменным и костяным инвентарем нашел небольшую (8 см длины) скульптуру кита, выполненную из моржового клыка в типичной для эскимосов манере. Она датируется 1300 г. до н. э.⁴ Х. Банди в своей фундаментальной монографии, посвященной первобытной истории эскимосов, приводит наскальное изображение из Сади Ковер (зал. Качемак), датируемое 800 г. до н. э., где наряду с другими животными изображены, как он считает, три кита⁵.

Семь китов и охота на них⁶ изображены также на скалах Пегтымеля (Чукотка).

В XVII—XIX вв. в связи с похолоданием климата возможности для китовой охоты сильно ухудшились. Кроме того, в XIX в. хищнически велся китобойный промысел, что привело к резкому сокращению численности китового поголовья. Однако вплоть до 60-х годов XX в. даже в восточном районе Канадской Арктики, очень бедном китами, встречается типичное для эскимосов скульптурное изображение кита.

Впервые с современной скульптурой канадских эскимосов советский зритель мог познакомиться в 1972 г. на выставке, организованной в СССР Канадским Советом по искусству эскимосов⁷. Среди материалов выставки особое внимание привлекали следующие произведения: скульптура кита № 89: 1×3, 5×1 см (выполненная около 1900 г. неизвестным мастером), скульптурная группа животных с китом-белухой № 151: 4,5×21×3 см (1914 г., мастер неизвестен), морская женщина на спине кита-нарвала № 313: 7,5×15, 5×5 см (мастер Кинук, 1968 г.).

Данных об изображении кита в эпоху неолита в Американо-Канадской Арктике довольно мало. Это объясняется отсутствием широких целенаправленных полевых исследований на этой территории.

Вот почему наибольший интерес в плане изучения идеологических представлений эскимосов, связанных с китом, имеют материалы западного Берингоморья, где промысел кита никогда не прекращался.

Из раскопок С. И. Руденко⁸ в 1945 г. в пос. Сиреник известны три скульптурных изображения китов, выполненных в обобщенной манере и датируемых культурой пунук. К этому времени относится орнаментированная рукоятка женского ножа-уляка, найденная на побережье⁹.

¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Ч. II. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути СССР, 1936, с. 100—103.

² Воблов И. К. Эскимосские праздники. Сибирский этнографический сборник.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XVIII. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952, с. 320—334.

³ Жуков Р. Я., Сергеев Д. А. Древние скульптурные изображения китов.— Зап. Чукотского краеведческого музея. Магадан: Кн. изд-во, 1962, в. 3, с. 21—24.

⁴ Giddings G. L. Onion Portage and Flint sites of the Kobuk river.— Arctic Anthropology, 1962, v. 1, № 1, p. 6—27, pl. 1, fig. 16.

⁵ Bandi H. G. Eskimo Prehistory. Boston, 1969, p. 96, fig. 33.

⁶ Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М.: Наука, 1971. Камень II, рис. 12; Камень III, рис. 14; Камень IV, рис. 27, 28; Камень V, рис. 60; Камень XI, рис. 99.

⁷ Sculpture Inuit. Toronto, 1971. (Полный каталог выставки).

⁸ Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л.: Наука, 1947, с. 54, табл. 29, рис. 13, 17, 18.

⁹ Там же, с. 67, табл. 38, рис. 20.

Композиционно она представляет собой орнаментированную поделку из моржового клыка с двумя головами китов, расположенными на ее противоположных сторонах.

При раскопках в 1957 г. Уэленского могильника в погр. № 3 найдено скульптурное изображение фигурки кита, вырезанное в традиционной для эскимосов манере¹⁰.

В Эквенском могильнике в древнеберингоморском погребении (№ 83—84) были найдены две схематические фигурки китов из моржового клыка. Из погр. № 15 происходит штамп в форме фигуры кита для нанесения орнамента на керамику¹¹.

Особенно интересен сходный штамп из погр. № 45¹². Все орудие украшено скульптурными зоо- и антропоморфными изображениями и древнеберингоморским орнаментом. На нерабочей стороне штампа центральное место занимает антропоморфная фигура и отдельно выполненная маска. Ручка этого предмета представляет собой голову белого медведя, на противоположном конце орудия — пасть кита. В рассматриваемой скульптуре безымянный художник подчеркивает не случайную, а преднамеренную связь морского животного с человеческой фигурой и делает это средствами полиэikonии. Середина верхней губы кита служит шеей для головы-маски антропоморфного облика. Вся композиция отражает целый ряд сложившихся представлений — связь человека и зверя (медведь с человеческой головой, человеческая голова на губе кита), связь суши и моря. Не случайно связующим элементом человека и зверя здесь является шея. Шея, точнее место соединения шейных позвонков и черепа, считается у эскимосов наиболее жизненно важным местом, вместилищем души животного. С шеей связано и одно из сохранившихся до наших дней названий «крылатого предмета», важного элемента охотничьего комплекса эпохи древнеберингоморья, имевшего, несомненно, культовое значение¹³.

Тема взаимного перевоплощения человека и животного, а также различных животных друг в друга впервые нашла отражение еще в искусстве позднего палеолита¹⁴.

Превращение животного в человека и человека в животное многократно зафиксировано в мировом фольклоре. Особенно часто он встречается в эскимосских легендах и сказках.

Популярны сказки о ките, известные на побережье Берингова пролива¹⁵. Фабула их такова: к женщине, муж которой в это время отсутствовал, приплывает кит. Из его головы выходит молодой человек и становится ее любовником. Обманутый муж, узнав об этом, проследил, когда кит-человек пришел в его ярангу, и пронзил копьем сердце лежащего у берега кита. В яранге послышался крик, затем оттуда выбежал молодой человек, бросился к киту, вошел в его голову, но кит так и остался у берега. Муж-мститель созвал односельчан, кита разделили, однако человека в нем не нашли. Через 9 месяцев у женщины появился ребенок-кит. Китенка поместили в сосуд с морской водой. Мать кормила его своим молоком. Он быстро рос. Пришло время, и кита выпустили в море. Ежегодно кит-родственник приводил для пропитания людей большие стада животных, в том числе и китов, пока не был убит завистниками из другого рода.

¹⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. М.: Наука, 1969, с. 176, рис. 96, фиг. 2.

¹¹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М.: Наука, 1975, с. 187, рис. 62, фиг. 7—8; с. 148, рис. 72, фиг. 3.

¹² Сергеев Д. А. Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре (первые века нашей эры). — Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970, с. 105—133.

¹³ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов, с. 108; Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Исторические закономерности и природная среда на примере памятников древнеэскимосской культуры. — Вестн. АН СССР, 1981, № 2.

¹⁴ Фрадкин Э. Е. Полиэikonическая скульптура из верхнепалеолитической стоянки Костенки I. — Сов. этнография, 1969, № 1, с. 135—142.

¹⁵ Бабошина О. Е. Науканский кит. — В кн.: Сказки Чукотки. М., 1958, с. 164—167; Меновицков Г. А. Кит, женщиной рожденный. — В кн.: Эскимосские сказки. Магадан, 1958, с. 67—70.

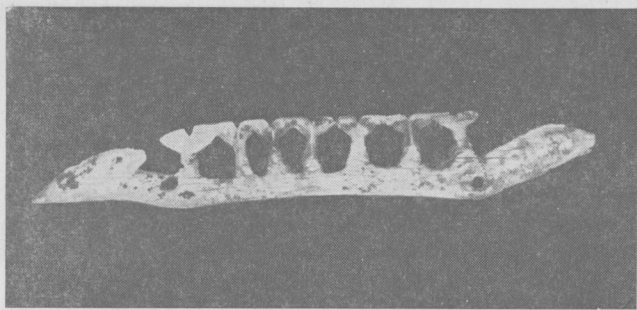

Рис. 1. Ручка ритуального ведерка (бивень моржа). Наукан, нач. XIX в.

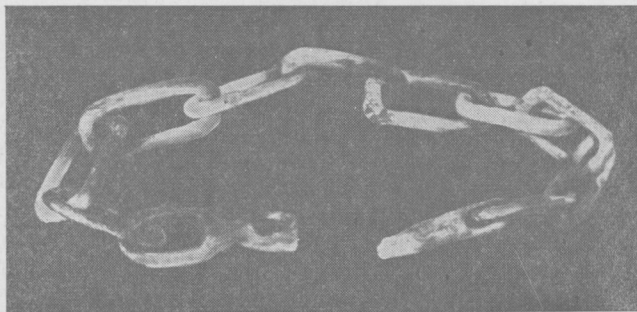

Рис. 2. Цепочка (бивень моржа). Наукан, нач. XIX в.

О роли добычи кита в представлениях о престижности семей свидетельствуют предметы повседневного труда. Так, например, на костяных рукоятках женских ножей-уляков, как это известно по этнографическим данным и археологическим материалам, фиксировалось с помощью выступов количество добытых их мужьями китов. В погр. № 154 древнеберингоморского времени найдена рукоятка уляка с пятью выступами¹⁶ — свидетельство высокого социального престижа этой женщины.

Особым образом украшались и ручки ритуальных ведер для воды, из которых мать или жена охотника «поила» добытого кита при обряде примирения с ним. Подобная ручка ведра была найдена в Наукане в погребении начала XIX в. Она представляет собой скульптурную композицию — на одном ее конце изображен тюлень-лахтак, на другом — кит. Глаза и ноздри лахтака показаны просверленными отверстиями. Подобными же отверстиями, но несколько меньшими по размерам, обозначены глаза кита. Хвост и плавники изображены рельефно. По всей длине ручки между изображениями лахтака и кита вырезано семь китов хвостами вверх. Длина ручки 21 см, ширина 3 см, толщина 1,5 см. (рис. 1). Из ведра с такой ручкой «поили кита» пресной водой. Возможно, это объясняется тем, что киты часто заплывали в лагуны с пресной водой, в которой гибли бывшие на них кожные паразиты.

Синкретичность образа кита восходит к древнейшим пластам эскимосской мифологии¹⁷.

Вместе с ручкой была найдена одна из цепочек, вырезанная из основания моржового клыка. Этой цепочкой ручка, видимо, крепилась к ведру. Цепочка состоит из 12 звеньев. На пятом, десятом и одиннадцатом звеньях имеются углубления. Последнее звено, возможно, представляет собой изображение головы какого-то животного, так как сохранилось изображение одного глаза. Длина цепочки 42 см. (рис. 2).

¹⁶ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья, с. 128, рис. 55, фиг. 2.

¹⁷ См., например, сказку «Нунагмитский кит». — В кн.: Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М.: Наука, 1974, с. 104 (и комментарии к ней на с. 25, 43).

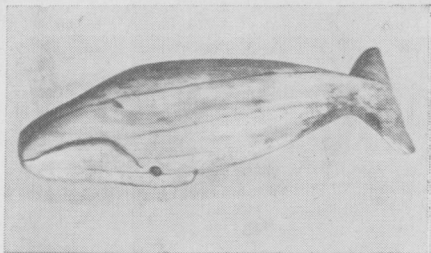

Рис. 3. Фигурка кита (бивень моржа)
из Чегитуна

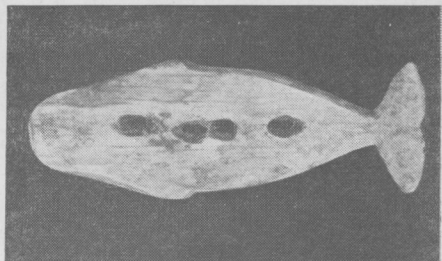

Рис. 4. Фигурка кита (бивень мамонта)
из Чегитуна

Пять скульптурных фигурок китов были найдены в Чегитуне местными жителями, работниками Уэленской костерезной мастерской. Все фигурки — от 4,5 до 6 см в длину и трактованы весьма реалистично, хотя и обобщенно.

Скульптурки являются прекрасными образцами мелкой пластики эскимосов. С исключительной точностью и наблюдательностью переданы анатомические особенности строения кита: уверенно очерчена линия губ, тщательно проработаны изображения грудных и хвостового плавников. Сверлом сделаны отверстия для глаз и намечены ноздри. Все фигурки снизу (брюшная часть) плоские (рис. 3).

Скульптуры в группе различаются между собой только размерами и количеством отверстий на брюхе — от двух до четырех (рис. 4).

Найденное там же изображение головы гренландского кита ($16 \times 9 \times 4,5$ см) вырезано из верхней челюсти небольшого моржа. В передней части головы двумя неглубокими насечками обозначено дыхало кита. Глазные впадины высверлены. В одной сохранилась голубая бусина. Справа и слева показаны небольшие плавники. В спине имеется также высверленное отверстие, очевидно, тоже для бусины. В хвостовой части фигурки прорезаны два пояса и два отверстия, расположенные симметрично. Фигурка, по-видимому, крепилась на какой-то держатель-шест (рис. 5).

Все эти изображения (голова кита и пять фигурок) созданы при помощи металлических инструментов. Этот факт, а также наличие бусины указывают на то, что скульптуры были изготовлены не ранее конца XVII — начала XVIII в.

В 1971 г. на южной оконечности о. Ратманова на эскимосском кладбище XVIII—XIX вв. В. П. Алексеев и Д. А. Сергеев нашли деревянную доску трапецевидной формы с барельефным изображением кита в верхней части и двумя сквозными отверстиями, размеры доски $37 \times 25 \times 5,5$ см, размеры изображения $21 \times 15 \times 3,5$. В глаз кита вставлена голубая бусина, спина украшена бусиной зеленого стекла. Эта инкрустация позволяет датировать предмет не ранее, чем серединой XIX в. Обратная сторона доски имеет два углубления, в одно из которых вставлен камень красного цвета (рис. 6).

Доска эта представляла собой носовую планку кожаной байдары. Она крепилась на носу байдары перед выходом на китовую охоту. Когда байдары среди местных китобоев были заменены вельботами, изображения кита рисовали по обеим сторонам носа вельбота. Любопытно, что большая зеленая бусина, укрепленная на спине кита, вставлена как раз на том месте, где голова переходит в спину, т. е. где первый шейный позвонок примыкает к черепу у затылочного отверстия. Таким образом, бусина маркирует сакральное и жизненно важное место — «место души» кита. Как уже указывалось, отверстие для бусины имелось и на изображении головы кита из Чегитуна. Следовательно, этот прием, по-видимому, был в известной мере кононичным.

Недавно стал известен еще один памятник эскимосской культуры — монументальное сооружение из вкопанных в землю черепов и нижних

челюстей китов — «Китовая аллея» (пролив Сенявина, восточное побережье Чукотского полуострова)¹⁸.

Одна сторона аллеи огорожена черепами китов, расположенных группами по два и четыре черепа в каждой. Другая образована из нижних челюстей кита — «столбов» 4—5 м высотой. В центре аллеи обнаружено около 120 воронкообразных ям для кратковременного хранения мяса морских млекопитающих. Здесь же найдено «Главное святилище», сложенное из крупных валунов. От святилища в камнепаде была проложена «дорога», доходящая до центральной группы костяных «столбов».

Оценить роль и значение этого уникального памятника для изучаемых нами идеологических представлений эскимосов о ките пока невозможно, поскольку, как сообщают авторы, изучение сооружения лишь начато: датировка носит предварительный характер, а семантика остается неясной, но связь впервые открытого памятника с культом кита вполне вероятна.

Одним из важнейших обрядовых празднеств у эскимосов являлся праздник встречи «убитого кита». Как правило, он проводился в ноябре-декабре. И это было не случайно, ибо это время самое благоприятное для добычи китов. Как отмечает биолог А. Г. Томилин, «весной условия (добычи гренландских китов — *Е. Г. и др*) были менее благоприятны... Поэтому основной промысел проходил осенью, когда животные идут близ берегов... В селении Сиреники, например, в 1933 г. было убито рекордное количество китов — 6 (2 весной и 4 осенью)»¹⁹.

На этих празднествах целого кита заменяли отдельные его части: губы, ласты, кожа или его изображение из кости, моржового клыка или дерева²⁰. В частности, наличие отверстий в вышеупомянутых фигурах кита хорошо связывается с замечанием И. К. Воблова о том, что фигурки кита на празднике привязывали к углам полога²¹.

С китовым праздником, как и с промыслом, был связан ряд ограничений. Мужчине, у которого была беременна жена, участие в китовой охоте запрещалось. Перед промыслом нельзя было утреблять в пищу рыбий хвост, так как считалось, что кит в таком случае мог ударить по лодке хвостом. На охоте запрещалось показывать рукой, веслом или гарпуном в сторону кита. Нельзя было передавать орудие лова с лодки одного рода на лодку другого. Охотникам и гарпунеру, добывшим гренландского кита, запрещалось до праздника еще раз выходить на промысел и делать какую бы то ни было работу: он не мог даже забить молотком гвоздя, так как шум от ударов мог быть слышен очень далеко и дойти до слуха китов и напугать их. На праздник члены артели шли вместе. Все они были подпоясаны ремнями, сделанными из куска лinya, на котором буксировали добытого кита.

В случае нарушения кем-либо подобных правил и запретов старики вывешивали в поселке доску типа описанной выше, с изображением кита. Согласно обычному праву, это было немым укором для нарушителей. Доска убиралась, когда провинившийся публично раскаивался.

Непосредственно с китовыми праздниками и обрядами был связан культ хищного кита-касатки. Этот культ зафиксирован еще в археологических материалах древнеберингоморского времени.

Теснейшая связь существует между изображением касатки и эскимосским фольклором. Возможно, одним из первых изображений касат-

¹⁸ Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Исторические закономерности и природная среда (на примере памятников древнеэскимосской культуры). — Вестник Академии наук СССР, 1981, № 2, с. 91—102.

¹⁹ Сергеев Д. А. Ранняя история азиатских эскимосов до XVII в. — В кн.: Древняя Сибирь (Макет I тома Истории Сибири). Улан-Удэ, 1964, с. 721.

²⁰ Томилин А. Г. Китовые образы. — В кн.: Звери СССР и прилегающих стран. Т. I. М., 1957, с. 49.

²¹ Воблов И. К. Указ. раб., с. 326. Журов Р. Я., Сергеев Д. А. Древние скульптурные изображения китов. — В кн.: Зап. Чукотского краеведческого музея. в. III, Магадан, 1962, с. 21—22; Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Китовая аллея — древнеэскимосский культовый памятник на острове Иттыгран. — Сов. этнография, 1979, № 4, с. 21.

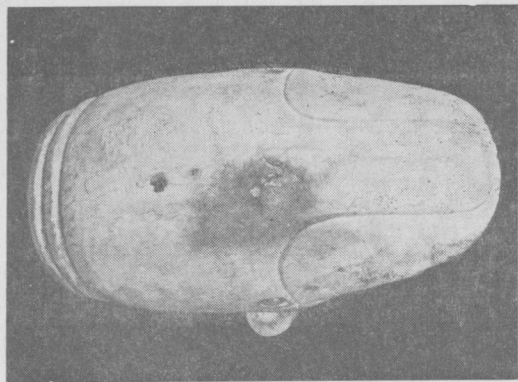

Рис. 5. Навершие в виде головы кита (из челюсти моржа). Чегитун

ки является фигура из погр. № 17 в Уэлене²². При публикации эта фигурка была атрибутирована как фигурка кита, но при более тщательном анализе мы пришли к выводу, что она представляет собой изображение касатки.

Касатка занимала особое место в пантеоне эскимосов. Эскимосы, как свидетельствует фольклор, не могли понять, куда пропадают касатки, когда море покрывается льдом. Возможно, чтобы объяснить их отсутствие, и была создана легенда о превращении касат-

ки в волка. По представлениям эскимосов, касатка и волк зимой взаимно перевоплощались.

При раскопках Эквенского могильника в погр. № 130 были найдены две пластины из моржового клыка со стилизованными изображениями касатки²³.

Изображения касатки широко известны на обоих берегах Тихого океана. Подобные изображения мы встречаем на дубинках, поплавках, в орнаментах праздничной одежды коренного населения северо-западного Тихоокеанского побережья. Кит этого вида не был объектом охоты на территории расселения тлинкитских племен. Однако почитание хищного кита-касатки и его стилизованные изображения у квакиутлей, хайда и тлинкитов приняли чрезвычайно разнообразные формы. Стилизованные изображения касатки встречались повсеместно: на тотемных столбах, фасадах домов, орудиях труда, одежде, праздничной посуде, танцевальных масках и шлемах воинов²⁴.

Не была объектом охоты касатка также и на северо-восточном берегу Тихого океана в районе расселения нивхов. Но и у них почитание касатки имело место. Таким образом, у большинства народов северных побережий Тихого океана может быть отмечен культ касатки.

У эскимосов культ касатки получил особое распространение²⁵. Зверобои считали этих животных своими покровителями, так как касатки, охотясь за китами, подгоняют их к берегу и киты становятся добычей зверобоев.

Вот почему касаток стали считать священными, неприкосновенными животными наравне с волком. Если волки нападали на оленей стада, то пастухи не только не убивали хищников, но даже не отгоняли их в твердой уверенности, что волк — это перевоплотившаяся касатка.

Недаром еще сравнительно недавно даже байдарная артель формировалась из восьми человек в соответствии с числом касаток, составляющих стаю²⁶.

Представления о ките и касатке как о священных животных дожили до начала XX в. Отражением этих представлений и являются их изображения.

Еще в начале XX в. наряду с другими праздниками китовая обряд-

²² Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры..., рис. 96/2. На основании найденного в этом же погребении гарпуна погребение можно датировать Оквикским периодом.

²³ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья, с. 136, рис. 61, фиг. 6—7.

²⁴ Boas F. Primitive Art. N. Y., 1955, p. 194—277.

²⁵ Сергеев Д. А. Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре. — В кн.: Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970, с. 112—113, рис. 4.

²⁶ Сергеев Д. А. Этнографы-археологи на Чукотке. Л.: Изд. ВГО СССР, 1968, с. 14—16.

ность играла большую роль в жизни эскимосов²⁷. Установление Советской власти на Чукотке принесло коренные изменения в экономику края и в быт его жителей. Эти изменения привели к коренной ломке и ликвидации первобытных обычаев и верований. В качестве примера можно привести случай, который имел место еще в 1939 г. в Уреликской средней школе. Ученик Тыпыхкак при вступлении в пионеры отрезал от поясного ремня амулет с изображением

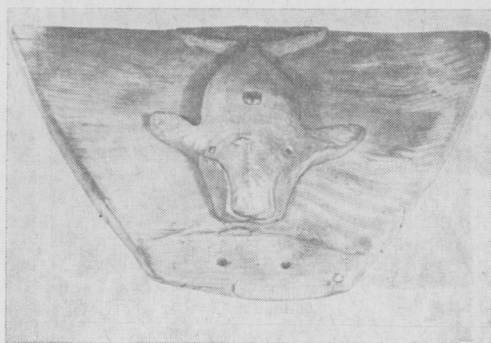

Рис. 6. Доска с изображением кита.
о. Ратманова

касатки и передал его своей учительнице К. С. Сергеевой. При этом он сказал, что пионеры носят галстуки, а не амулеты. Этот амулет представляет собой деревянную фигурку кита (11×16×2,0 см), выполненную в традиционной для эскимосов обобщенной манере. В средней части фигурка обхвачена нерпичьим ремнем, крепившимся к поясу.

На то, что амулет изображает именно касатку, указывает характерный профиль этого животного с высоким лбом и ясно различимыми зубами в раскрытой пасти. Через лобную часть проходит отверстие для ремешка (рис. 7).

Сейчас только среди людей преклонного возраста можно найти отдельные лица, которые хотя и не исполняют религиозных ритуалов, но еще помнят о них, хранят в памяти легенды и сказки. Не случайно молодые мастера из Уэленской косторезной мастерской видели в амулетах из Чегитуна только скульптуру и не усматривали в ней религиозно-ритуального содержания. На их памяти праздники кита уже не проводились. Образ кита продолжает играть большую роль в художественных представлениях современных чукчей и эскимосов, но воспринимается в чисто эстетическом плане, без мифологизации. Так, чукча из Уэлена, известный скульптор-косторез Туккай создал глубоко реалистическую композицию, изображающую касаток, нападающих на кита. Известный советский писатель Ю. Рытхейу, также родившийся в Уэлене, написал прекрасную повесть «Когда киты уходят»²⁸. В основу повести положена легенда о ките-человеке и ките, рожденном женщиной. Как свидетельствуют приводившиеся выше археологические данные, эта легенда существует с начала нашей эры. Однако автор дал своему произведению подзаголовок — «современная легенда». Мифы и легенды азиатских эскимосов, потеряв свое религиозно-мистическое значение, в наши дни стали достоянием мировой литературы.

Подводя итоги, можно сказать, что отражение представлений о китообразных животных в духовной культуре эскимосов прошло три этапа.

Первый из них связан исключительно с касаткой, но не как с промысловым животным, а как с животным-помощником. Этот круг представлений не ограничен только эскимосским ареалом, а распространен повсюду, где имеет место охота на каких-либо морских животных. Поэтому его можно рассматривать как наиболее древний, характерный для всей северной части Тихоокеанского бассейна.

Второй пласт связан с вхождением кита в круг промысловых животных. Он более специфичен для эскимосского этноса, начиная с эпохи древнеберингоморья (рубеж н. э.), в меньшей мере для родственных эскимосам алеутов, у которых промысел кита велся очень примитивным

²⁷ Воблов И. К. Эскимосские праздники, с. 120—134.

²⁸ Рытхейу Ю. Когда киты уходят. Современная легенда.— Новый мир, 1975, № 7, с. 95—151.

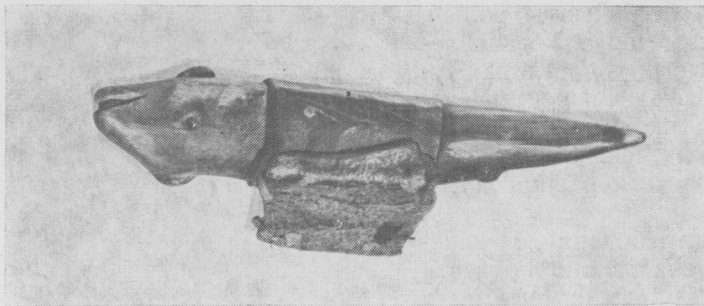

Рис. 7. Амулет в форме касатки (дерево). Урелик, нач. XX в.

способом. В связи с оскудением промысловых ресурсов в более позднее время у американских эскимосов образ кита не получил большого распространения. Развитие этого образа имело место преимущественно в северо-западном Берингоморье, где в эпоху позднего пунука (XI—XII вв. н. э.) возникла высокоспециализированная культура китового промысла.

В жизни берингоморских эскимосов и части береговых чукчей охота на кита сохраняла существенную роль и в новое время, и даже по сей день. Это нашло свое отражение в разнообразных ритуалах, в различных формах искусства, а в новейшее время — в профессиональной художественной литературе, и в изобразительном искусстве. Таким образом, этот третий, позднейший пласт представлений о ките, специфичный для западных эскимосов, продолжает развиваться и поныне.